

СЕКЦИЯ 2

«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ»

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЯЗЫКА ПРОПОВЕДИ В ПОЛОЦКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЕПАРХИИ (1839 – ВТОРАЯ ПОЛ. XIX В.)

В. А. Теплова

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

E-mail: teplova_val@mail.ru

Последствием Полоцкого церковного собора явился непростой путь возвращения сотен тысяч униатов белорусских земель к практике православной жизни. По меткому замечанию Г. Я. Киприановича, «дело воссоединения совершилось, но далеко еще не завершилось в 1839 году» [1]. Более чем 200-летнее пребывание православных в составе греко-католической церкви оставило заметный след в сознании верующих. Известно, что униатская церковь в первой трети XIX века в своей обрядности имела многие черты, скорее западной христианской традиции, нежели восточной. Многие бывшие униаты после 1839 г., формально считавшиеся православными, по разным причинам (зависимость крепостных крестьян от помещиков, активная миссионерская и храмостроительная деятельность римо-католиков, тайное обучение основам католической веры и польскому языку, установление новых местночтимых праздников), посещали костелы, исповедовались у ксендзов, т.е. являлись католиками на практике [2]. Даже спустя четверть века после Полоцкого собора для чиновников, приезжавших с проверкой в белорусские губернии из России, страна представлялась католической и польской. Их официальные доклады свидетельствуют о том, что православное население древнейшей православной кафедры, по большей части сельское, не оставило старых униатских привычек. При встречах крестьяне вместо обычного приветствия «здравствуйте» говорили «нех бендзе похваленный Иезус Христус», в церквях ложились «крестом», ползали на коленях, пели католические канты, после православной литургии шли в костел слушать проповедь ксендза, в торжественные дни вместе с католиками участвовали в костельных процессиях, носили хоругви, кресты и т. п. [3]. На исповеди кающиеся прихожане просили для себя у священника какую-нибудь епитимью: лежание в церкви на полу с распростертыми крестом руками, ползание на коленях вокруг церкви и т.д. При причащении причастники становились рядами на колени, и священник, обходя ряды, по порядку преподавал Святые Тайны. Крестный ход тоже имел особенности. Во главе крестного хода шел кто-либо из прихожан с барабаном в руках. При выходе из алтаря священника, он предшествовал ему в церкви, а по выходе из церкви шел впереди икон и креста и выбивал известные ему барабанные пьесы. По возвращении в церковь барабанщик впереди священника входил в алтарь царскими вратами и, обошедши вокруг престола, в «пономарке» оставлял свой

инструмент [4]. Все эти традиции униатская церковь переняла у католиков и передала от воссоединенных верующих в православную церковь.

Серьезной проблемой, с которой столкнулись православные иерархи Полоцкой епархии, была устоявшаяся еще с XVIII – начала XIX вв. традиция произнесения проповедей в униатских храмах на польском языке [5]. В семейном быту бывшего униатского духовенства также преобладало польское влияние [6]. Разговаривать на белорусском языке считалось неприличным, недостойным представителя образованного общества [3, с. 41–42]. Аналогичная ситуация существовала и в других православных епархиях. Даже в конце XIX в., по словам историка В. Татарова, в Холмской епархии: «... если люди приветствовали друг друга на белорусском, то униатский священник говорил своим прихожанам, что это для него – «нож в сердце» [8].

В ходе процесса воссоединения правящим архиереем Полоцкой (Белорусской) униатской епархии в 1838 г. был назначен епископ Василий (Лужинский)¹. Владыка хорошо знал все особенности вверенной ему епархии: широкое распространение польского языка среди привилегированного сословия, недоброжелательное отношение к православию чиновничества, богатство ксендзов и унижительная бедность православных священников, величественный вид костелов и разрушающиеся, ветхие православные храмы, безграмотное простонародье, молящееся на польском языке [8]. Епископ понимал, что уничтожить расхождения в совершении обрядов между греко-католиками и древлеправославными сразу нельзя. Если действовать на паству силой, то можно вызвать возмущение в народе и тогда католическое духовенство использует его сопротивление для прозелитизма. Полоцкий архиерей считал, что лучший способ религиозно-нравственного воспитания народа – путь постепенного искоренения униатских традиций [9] и, прежде всего, через обучение детей прихожан в церковно-приходских школах. «Самый коренной вопрос в жизни белорусского народа, – писал епископ, – это вопрос об открытии сельских училищ при церквях. Беларусь в течение веков подвергалась влиянию иезуитской цивилизации через Полоцкую иезуитскую коллегию. Можно только через школы привести белорусский народ к сознательному пониманию православной веры доблестных своих предков» [10]. Полоцкий епископ настаивал, чтобы духовенство, преодолевая все препятствия, создавало при церквях школы, которые и должны стать единственным средством наставления прихожан в истинах веры. С 1834 г. по его настоянию духовенство Полоцкой епархии приступило к созданию в собственных домах училищ для обучения крестьянских детей [11]. Епископ был уверен, что учащиеся дети, молясь «по славянски», постепенно обучат молитвам и родителей, пробудят у них интерес к православию. Понимая, что римскую веру поддерживает польскоязычная элита, архиепископ Василий обращал внимание на возвращение полоцко-витебскому краю «местного наречия», т.е. разговорного белорусского языка. Поэтому особое внимание полоцкий архиерей уделял произнесению воссоединенным духовенством проповедей и поучений к пастве «на родном языке».

Этому способствовала и политика правительства императора Николая I, направленная на деполонизацию белорусских губерний [12]. Исходя из представления о воссоединенных территориях как исконно русских, российское правительство одной из своих важнейших задач считало реорганизацию образования на началах полностью исключаящих польское и католическое содержание. Одним из результатов этой политики

¹ Родился в 1791 г. в семье греко-униатского священника с. Старая Рудня Рогачевского уезда Могилевской губернии. Первоначальное образование получил в Белорусской (Полоцкой) униатской семинарии. В 1816 году окончил курс Полоцкой иезуитской академии со степенью кандидата философии и поступил на богословский факультет Виленского университета. 6 августа 1819 года рукоположен во священника без пострига. В 1833 году униатский митрополит Иосафат Булгак поручил протоиерею Василию (Лужинскому) управлять Полоцкой епархией. С этого времени священник Василий (Лужинский) трудился на поприще воссоединения униатов с Православной Церковью. В 1834 года хиротонисан во епископа Оршанского, викария Полоцкой епархии. С 1838 года управлял Белорусской епархией. После упразднения Белорусской епархии в 1840 г. владыка Василий стал во главе возрожденной православной Полоцкой кафедры, в 1841 г. был возведен в сан архиепископа. Управлял Полоцкой епархией до 1866 г. Записки Василия (Лужинского), Архиепископа Полоцкого. – Казань: Изд. Казанской Духовной Академии, 1885. – С. 10

стало формирование Белорусского учебного округа (1829–1850), охватившего своей деятельностью всю этническую территорию Беларуси, включая Белостокскую область. Дополнительные пункты устава учебного округа объясняли цель его создания – «необходимость обучения юношества в соответствии с особенностями Белоруссии» и предписывали «обучать Закону Божию для каждого вероисповедания и местному языку» [13]. Польский язык был исключен из программ образования. Лишь в западных губерниях округа он изучался как отдельный предмет.

Другим направлением правительственной политики являлось очищение греко-католической церкви от латинизмов. Началом ее реализации можно считать указ российского императора от 9 октября 1827 г., который предписывал «принимать в базилианские монастыри униатов, хорошо знающих славянский язык и чин греко-восточного богослужения», а «... при совершении богослужения и прочих священных обрядов не употреблять иного языка, кроме природного, свойственного унии церковнославянского, в проповедях и в обучении закону Божию духовенство должно применяться к наречию, коим говорят местные жители приходских церквей» [14]. Исследователь унии П. О. Бобровский считает: «С приведением в исполнение основных положений Указа 9-го октября о реформе базилианского ордена должна была прекратиться латинизаторская миссия этого латино-польского института в русской унии... с падением ордена, который эксплуатировал унию для своих собственных чисто латинских интересов, русская уния должна была рано или поздно угаснуть, и русская церковь в западном крае должна была стать вполне русской не только по имени, но и по форме, содержанию и духу» [15]. Следует заметить, что этот указ появился до появления записки Иосифа (Семашко) «О положении в России униатской церкви и средствах возратить оную в лоно Церкви Православной», в которой были обозначены конкретные меры, направленные на возвращение униатов в Восточную церковь.

Своим указом правительство, безусловно, актуализировало проблему языка проповеди, но не решило ее. Только 16 декабря 1839 г., уже после проведения Полоцкого церковного собора, в Св. Синод был направлен новый правительственный указ «О произнесении поучений в западных губерниях России в церквях на простом и понятном языке» [16], которым повелевалось, «... чтобы приходские священники в губерниях: Витебской, Могилевской, Киевской, Подольской, Волынской, Минской, Виленской, Гродненской и Белостокской по возможности читали в церквях в воскресные и праздничные дни проповеди на простом общепонятном языке, или изъясняли в виде бесед катехизис» [17].

После получения этого указа 24 декабря 1839 г. епископ Василий попытался провести его в жизнь. Однако сделать это было совсем не просто, поскольку польский язык употреблялся не только на всех уровнях униатской иерархической лестницы, но и среди широких кругов униатского духовенства. Только 21 апреля 1841 г. из Белорусской (Полоцкой) духовной консистории последовал приказ духовенству «к точному и неременному исполнению Высочайшего Его Императорского Величества повеления», в котором содержалось требование: «...1) предписать всем настоятелям монастырей Белорусской епархии указами, дабы они или сами в воскресные и праздничные дни читали проповеди на простом общепонятном языке, или изъясняли в виде бесед пространный Катехизис, о разослании коего подведомственному духовенству сделано 2 уже распоряжения, или избрали к исполнению столь святой обязанности способнейших из подчиненных им иеромонахов, предваряя, что за малейшее упущение или нерадение по сему предмету как сами настоятели, так и избранные ими иеромонахи подвергнутся строгому взысканию. 2) Обязать всех благочинных под величайшею ответственностью по объявлении вверенному смотрению их духовенству упомянутого указа служить причтом для подчиненных священников в точном и неупустительном исполнении воли Высочайшей в оном изображенной, и тщательно наблюдать, дабы всякий священник, способный из благочиния, в воскресные и праздничные дни на простом местном языке

удобопонятном изъяснял в виде бесед Пространный катехизис, а прочие кроме изъяснения катехизиса читали проповеди, применив к образу познаний своих прихожан о нерадивых уже и вовсе уклоняющихся от сей святой обязанности священникам донести Консистории для подвержения таковых строгому взысканию и 3) в исполнение вышеозначенного предложения, представляя Его Преосвященству на архипастырское благоусмотрение проект, не благоугодно ли будет Его Преосвященству сделать распоряжение, дабы воспитанники Белорусской Семинарии, окончившие курс наук к вящей пользе Православной Церкви, кроме обыкновенных своих занятий упражнялись в сочинении проповедей и их уяснением пространный катехизиса на простом общепонятном языке» [18].

22 декабря 1843 г. как монашествующему, так и приходскому духовенству Полоцкой епархии последовало новое указание от консистории: «<...> бдительнейше заботиться учением прихожанам молитв и катехизиса на понятном народу языке, и чтобы непременно во все праздничные дни были в церквях произносимы проповеди или объяснялся на таком языке, катехизис в роде бесед, под неминусимой ответственностью за нерадение священнослужителей, также настоятелей монастырей и благочинным, на которых возложено неослабное за сим наблюдение, с обязанием испытывать народ и священнослужителей и о успехе или неуспехе доносить Его Высокопреосвященству <...>» [19].

Однако исполнение этого указа в Полоцкой епархии шло чрезвычайно медленно и, по-видимому, встречало препятствия. Даже в 1862 г. ректор Полоцкой духовной семинарии архимандрит Анатолий (Станкевич)¹, проводя ревизию церквей Полоцкой епархии по заданию епископа Василия, столкнулся с ситуацией, когда молодые священники, только что окончившие семинарию, предпочитали преподносить слово Божие на польском языке. Ректор вынужден был обратиться к своим воспитанникам с назиданием: «Пусть молодые священники полюбят народный белорусский язык и отрешатся от школьной мудрости. Им надо беседовать с народом на их живом языке, тогда проповедь делается живой и принесет великую пользу. Слово на неудобопонятном языке способно утомить и охладить слушателей. Пусть не забывают пастыри, что они призваны единственно для руководства пасомых к спасению, и потому должны не только не стыдиться совершенно усваивать себе язык своих прихожан, но и прилагать к этому особое старание, так как это один из вернейших путей к достижению цели их призвания» [20].

Та же озабоченность о недостаточном использовании и плохом знании «местного наречия» студентами Витебской семинарии «в разговорах о предметах веры и нравственности» [21] звучит в письме директора духовно-учебного управления при Св. Синоде К. С. Сербиновича к архиепископу Полоцкому и Витебскому Василию.

Иначе подошел к исполнению правительственного указа 1839 г. будущий митрополит Иосиф (Семашко). В ответ на указ императора о чтении проповедей на простонародном языке тогда епископ Литовский дал распоряжение по епархиальной консистории от 13 января 1840 г. «О введении по церквям проповедей на простом общепонятном языке, а также бесед из катехизиса» [22]. В пояснении относительно этого распоряжения сообщалось, что дать какие-либо подробные наставления по его исполнению местному духовенству невозможно, поскольку на белорусско-литовских территориях населением употребляется множество «разнообразных наречий» [23]. Поэтому митрополит Литовский предлагал: «<...> снабдить священников Литовской епархии образцовыми на русском языке проповедями по предметам, относящимся особенно к кругу приходских поучений, так как большая часть сих священников, получив прежде воспитание в польских училищах, не знают хорошо русского языка, и не будут в состоянии в своих поучениях на простонародных тамошних наречиях применяться к общему духу русского языка» [23]. Образцовые проповеди на русском языке, по мнению митрополита, были необходимы, чтобы, с одной стороны, священники могли

¹ Архимандрит Анатолий (Станкевич) с 1861 – 1865 г. являлся ректором Полоцкой духовной семинарии. По заданию архиепископа Василия проводил ревизию церквей епархии в 1862 г.

использовать незнакомую для них богословскую терминологию, которой в белорусских диалектах не существовало; с другой стороны, митрополит считал необходимым, чтобы воссоединенное духовенство училось говорить на одном языке с пасомыми, опираясь на более развитый родственный язык. Такой подход, думается, был вполне реалистичен и создавал предпосылки для формирования единого литературного русского языка, одним из диалектов которого, наряду с великорусским и малорусским являлся, по представлению епископа Иосифа, и белорусский язык.

Процесс возвращения белорусского языка в обиход православного духовенства оказался чрезвычайно сложным. Полоцкому святителю, также и как митрополиту Литовскому приходилось не раз через консисторию и благочинных убеждать священников в необходимости использования белорусского языка как языка поучений и проповедей [24]. Только к 70-м годам XIX века это требование исчезает из документов консистории. Тем не менее, даже в 1890 году Полоцкий епископ Антонин (Державин), анализируя недостатки в религиозной жизни Витебской епархии, пишет: «Старики, воссоединенные из унии, в большинстве молятся еще на польском языке, средний возраст, а в особенности молодое поколение, обучавшееся и обучающееся в школах, знают молитвы на славянском» [25].

Таким образом, возвращение церковнославянского языка в практику богослужения и начало применения народных белорусских говоров в проповедях воссоединенного православного духовенства Полоцко-Витебской епархии явилось важным фактором на пути развития национального самосознания белорусов, способствовало процессу зарождения православной белорусской интеллигенции с ее обостренным чувством прошлого и глубоким интересом к тому историческому пути, который прошли восточные славяне на протяжении своего более чем тысячелетнего существования, восстановлению традиций православной культуры (*Slavia orthodoxa*). При этом, наряду с использованием местных белорусских диалектов в церковной практике, обучение в церковно-приходских школах литературному русскому языку с его научной лексикой и художественной литературой создавало возможность продвижения по социальной лестнице для бывших крестьянских детей и детей православного духовенства, способствовало духовному обогащению местного населения лучшими образцами русской и мировой культуры. Есть все основания полагать, что именно Православная церковь Беларуси стоит у истоков рождения современной белорусской нации.

Униатский проект, скорее, предусматривал постепенное, но неуклонное включение белорусов в польский этнос через распространение польского языка и католицизма. Деятельность православных белорусских иерархов, направленная против употреблявшегося в проповедях воссоединенным духовенством, получившим образование и воспитание в польских школах, польского языка, вел к повышению значения белорусского. Это опровергает широко распространившееся в последние годы мнение, высказанное еще В. Ластовским, что униатское духовенство говорило по-белорусски и уния была «запрауднай народнай верай» [26].

ЛИТЕРАТУРА

1. Киприанович, Г. Я. *Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западнорусских униатов с православною церковию в 1839 г.* Изд. 2-е испр. и доп. Вильна, тип. Блюмовича, 1897. – 613 с.: 3 вкл. л. портр. С. IV.
2. РГИА. Ф. 821. Оп. 1. Д. 9. Л. 166 на об. *Переписка с Синодом, Канцелярией обер-прокурора Синода и других учреждений по вопросу о привлечении к православию бывших униатов Западного края, исповедающих католичество.*
3. Миловидов, А. *Заслуги графа М. Н. Муравьева для Православной Церкви в Северо-Западном крае.* – Харьков: Типография губернского правления, 1900. С.39–40.
4. Савва (Тихомиров), архиепископ Тверской и Кашинский. *Автобиографические записки высокопреосвященнейшего Саввы (Тихомирова): Т. 3. (1862–1867 гг.) Год: 1866 // Богословский вестник 1900. Т. 3. № 9. С. 552.*

5. Марозава, С. В. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596–1839 гады) – 07.00.02 – аўтарэферат... – доктара гістарычных навук – Мн. – 2002. /Нац. Акад. навук Беларусі/ Ін-т гісторыі. – 46 с.
6. Густова, Л. А. «Не упойайце на неправду...» (развіццё праваславнай богаслужэбнай формы в обряде Греко-католической церкви Речи Посполитой: противоречия и модификации) / Л. А. Густова // Обретение образа: православная белорусская культура в славянском мире. – Минск: Белорусская Православная Церковь, 2009. – С. 195 – 216.
7. НИАБ. Ф. 3278. Оп.1. Д.402, Л.10. Указы Полоцкой Духовной Консистории за 1844 г.
8. Татаров, В. Историческое описание Киевецкой церкви Седлецкой губернии Бельского уезда // Холмско-Варшавский епархиальный вестник, издаваемый при Холмско-Варшавской архиепископской кафедре: за 1879 г. – Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1879. – С. 239 – 244; 258 – 263.
9. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 58. Л. 15. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1862 год.
10. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 35. Л. 67 но об., 68, 68 на об. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1859 год.
11. РГИА. Ф. 796. Оп. 114. Д. 102. Л. 1. По рапорту Преосвященного Полоцкого о разных обстоятельствах обративших его внимание при обозрении церквей.
12. НИАБ. Фонд 2531. Оп. 1. Д. 40. Л. 76. Отчет Василия, Архиепископа Полоцкого и Витебского, о состоянии епархии за 1861 год.
13. Теплова, В. А. Время Николая I и цивилизационный поворот в судьбе Беларуси) / В. А. Теплова // Россия и Беларусь: от века XIX к веку XXI. – Брест: УО “Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина”, 2004. С. 35–46.
14. Полное собрание законов Российской империи [Второе собрание]. – Санкт-Петербург: Типография второго отделения собственной е. и. в. канцелярии, 1830. – Т. IV, № 2599.
15. ПСЗРИ [Второе собрание]. – Санкт-Петербург: Типография второго отделения собственной е. и. в. канцелярии, 1830. – Т. II, № 1449.
16. Бобровский, П. О. Русская Греко-Униатская церковь в царствование императора Александра I. Историческое исследование по архивным документам П. О. Бобровского. С приложением алфавитных указателей имен и предметов / П.О. Бобровский. – СПб: тип. В.С. Балашева, 1890. С. 359.
17. РГИА. Ф. 797. Оп. 9. Д. 25676. Л. 149, фотокопия. О Высочайше утвержденных мерах к устранению в Западных губерниях совращений из православия в римский обряд.
18. РГИА. Ф. 797. Оп. 9. Д. 2567 фотокопия. «О Высочайше утвержденных мерах к устранению в Западных губерниях совращений из православия в римский обряд; о порядке производства дел о совращениях и совратителях и о взысканиях и наказаниях их».
19. НИАБ. Ф. 2617. Оп. 1. Д. 69. Дело по указам Белорусской греко-униатской, затем Полоцкой православной духовной консисторий о чтении проповедей в праздничные и воскресные дни на понятном для простого народа языке.
20. НИАБ. Ф. 3278. Оп.1. Д. 402. Л. 5 – 33. Рукопись. Указы Полоцкой Духовной Консистории за 1844 год.
21. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 58. Л. 89 на об. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1862 год.
22. РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 730. Л.5 об. Письма, Василию, архиепископу Полоцкому и Витебскому (черновик) Сербиновича.
23. Литовской консистории, от 13 января за №34, о введении по церквам проповедей на простом общепонятном языке, а также бесед из катихизиса // ЗИМЛ. Т. 3. С. 495 – 496.
24. Святейшему Правительствующему Синоду, от 13 января за №35, о снабжении священников образцовыми проповедями на русском языке // ЗИМЛ. Т. 3. С. 496 – 497. С. 497.
25. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 58. Л. 89 на об. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1862 год.
26. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1350. Л. 51 на об. Отчет о состоянии Полоцкой епархии за 1890 год.
27. Ластоўскі, В. Ю. (Власт) Кароткая гісторыя Беларусі / В. Ю. Ластоўскі. – Вільня: Друкарня Марціна Кухты, 1910. – Рэпрынт. – Мінск: Універсітэцкае, 1993. – 126 с.; іл.